

УДК 303.4253

КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В.П. ВОРОНЦОВА*А.Г. Истомина*

Пермский государственный университет, 614099, Пермь, Букирева, 15
e-mail: istomina111@mail.ru

Анализируется концепция интеллигенции В.П. Воронцова. Выявляются широкий и узкий подходы к определению понятия интеллигенции. Рассматриваются отличия концепции В.П. Воронцова от концепции интеллигенции теоретиков субъективного направления: П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Иванова-Разумникова.

Ключевые слова: интеллигенция; общество; народ; класс

Два подхода в понимании интеллигенции

В социологической концепции В.П. Воронцова можно выделить два подхода к определению понятия интеллигенции: широкий и более узкий.

Согласно узкому пониманию интеллигенция — это представители науки. Этот подход в большей степени характерен для работы В.П. Воронцова «Наши направления», вышедшей в свет в 1893 г.

В соответствии со вторым, более широким подходом, под интеллигенцией подразумевается группа лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, осуществляющих врачебную, адвокатскую, преподавательскую и иные виды деятельности. Так, в статье «Капитализм и русская интеллигенция», опубликованной в 1884 г. в журнале «Отечественные записки», Воронцов относит к интеллигенции лиц свободных профессий. Он включает в число «представителей интеллигентного труда» (это еще один синоним интеллигенции) лиц,

занимающихся врачебной, адвокатской, преподавательской, инженерной деятельностью. Интересно, что такой подход находит отражение и в современных исследованиях, причем не только в российских. К примеру, французский ученый Кристоф Шарль в работе «Интеллектуалы во Франции», изучая социальную общность французских интеллектуалов, выделил четыре основные группы: «ученых, литераторов, публицистов», «людей искусства», «юристов», «медиков» [10. С. 38].

В статье «Производительные классы и интеллигенция в России», опубликованной в 1896 г. в «Новом слове», Воронцов уточняет характеристику интеллигенции, полагая, что работниками интеллигентного труда являются лица со средним и высшим образованием.

Таким образом, интеллигенция, по Воронцову, это не размытые, абстрактные критически мыслящие личности (как у П.Л. Лаврова), а понятие, которое можно определить исходя из объективных критериев: уровень образования, профессиональный статус. В отличие от Ива-

нова-Разумника он не наделяет интеллигенцию таким этическим признаком, как антимещанство [4. С. 25]. Между тем представление об интеллигенции как о критически мыслящей личности близко Воронцову и в характеристике интеллигенции он не исключает морально-этической компоненты. Поэтому в «Наших направлениях» Воронцов напишет: «Главная сила интеллигенции... заключается в ее критической мысли, в идеях, вырабатываемых ею, в знании, источником которого она служит. Важнейшая ее функция заключается в просветительном влиянии на общество и руководстве последним в случае проявления общественной самостоятельности. Она — учитель, офицер; сила умственная и нравственная, но не физическая» [1. С. 189].

Интеллигенция как представитель науки

Итак, мы выдвинули тезис о том, что Воронцов рассматривает интеллигенцию в широком и узком смысле. На наш взгляд, это разграничение Воронцов вводит намеренно. Попробуем разобраться, для чего в «Наших направлениях» Воронцов акцентирует внимание на интеллигенции как на представителе науки, а не рассматривает ее как совокупность лиц свободных профессий.

Обращаясь к интеллигенции как к представителю науки (под наукой в данном случае имеется в виду не наука вообще, а именно гуманитарные науки или еще точнее — социология), он легитимизирует за ней право говорить на языке и «от лица истины» (ведь цель научного познания есть истина). Именно истина является целью основного научного поиска интеллигенции, но истина не позитивистская, т.е. очищенная от моральных и этических идей, а истина, соотнесенная с результатами справедливости и общего блага. Поиск истины для Воронцова, как и для интеллигенции, о которой

он пишет, не самоцель (точка зрения *наука ради науки* вообще редко присуща российским социологам), весь пафос заключается в том, чтобы при помощи полученных фактов «оценить явление с точки зрения общего блага, истины и справедливости, предугадать грядущие события и, наконец, проектировать целесообразные мероприятия» [1. С. 119]. Данный посыл полностью воспроизводит традиции этико-субъективного направления. В качестве доказательства можно привести цитату Михайловского из «Записок профана», в которой он излагает свое понимание деятельности социолога: «...Социолог ... должен прямо сказать: я желаю познавать отношения, существующие между обществом и его членами, но кроме познания, я желаю еще осуществления таких-то и таких-то моих идеалов» [7. С.624]. А являясь априори нравственной силой, интеллигенция имеет возможность ставить подобные идеалы.

Размышляя над вопросом, как интеллигенция познает окружающую ее социальную реальность, Воронцов приходит мысли о существовании трех элементов познания общественных отношений. Он выделяет:

- 1) чувства человека, выражающие его потребности;
- 2) представления, «окрашенные цветом обстановки, среды»;
- 3) данные наблюдения самих отношений [1. С. 119].

Обобщая выделенные компоненты, Воронцов резюмирует, что на социальные воззрения интеллигенции влияет совокупность субъективных и объективных факторов: индивидуальные чувства конкретного лица, национальные и сословные чувства и различные объективные данные. При этом он отмечает, что из объективных данных мы можем довольствоваться лишь теми, которые доступны наблюдению

нию в данное время (под данным временем он, скорее всего, имеет в виду не только время, но и место, т.е. пространство). Он считает, что мы можем увидеть лишь небольшую толику объективных данных, касающихся жизни общества, т.е. только то, что дано нашему непосредственному наблюдению здесь и сейчас. Недостаток же объективных данных мы будем восполнять за счет субъективных представлений и чувств, которые содержатся в общественной среде. По мнению Воронцова, реальность дана нам в ее настоящем, прошлое же и будущее мы черпаем из собственных представлений и представлений других людей.

Классовая подкорка интеллигенции и любовь к народу

Вопрос о классовой сущности интеллигенции интересен потому, что практически в любой крупной концепции интеллигенции так или иначе затрагивается этот вопрос и решается одним из двух способов: либо интеллигенция принадлежит к классу (сословию), либо является бессословной (внеклассовой). По мнению Воронцова, интеллигенция, как и другие группы общества, принадлежит к определенному классу, в частности к господствующему. Это в корне отличается от точки зрения Иванова-Разумника, который в качестве основного критерия интеллигенции выделял ее внеклассовость и внесословность [4. С.19].

Являясь частью господствующего класса, интеллигенция, по убеждению Воронцова, бессознательно воспроизводит классовые интересы, подчиняя им общие, идеальные задачи. «Интеллигенция стремится охватить социальные явления с точки зрения *общей, идеальной* (курсив мой. — А.И.), а по ограниченности знаний и под влиянием личного интереса и среды она их понимает в духе *господствующего класса* (курсив мой. — А.И.)» [1. С. 120]. Между

тем, добавляет Воронцов, есть случаи, когда представители интеллигенции могут остаться на вершине общего интереса, т.е. выйти за рамки ограничения собственного класса, но при этом они не смогут найти практического материала, нужного им для теоретических схем, поэтому они останутся на границе утопии. В качестве примера он приводит утопию Томаса Мора.

Таким образом, интеллигенция (западноевропейская), по Воронцову, становится заложником своей собственной классовой природы, она постоянно пытается взглянуть на общество широко и полно, но в результате смотрит на него с точки зрения своего класса и своих интересов. Примечательно, что данный тезис полностью укладывается в марксистскую логику. Это то, о чем писал Маркс: «...Не следует впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические интересы. Она верит, напротив, что специальные условия ее освобождения суть в то же время те общие условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба» [6. С. 658]. Хотя, если задуматься над вопросом, является ли интеллигенция классом, по мнению марксистов, ответ будет отрицательным. Марксизм трактует интеллигенцию как некую социальную прослойку, подкласс, исходя из того, что она не имеет самостоятельного отношения к средствам производства, в отличие от двух основных классов: буржуазии и пролетариата.

Как мы уже отметили, относя интеллигенцию к классу, Воронцов сталкивается с неразрешимой дилеммой. По его мнению, интеллигенция может всесторонне охватить явления социальной жизни и выработать общечеловеческие идеалы только в том случае, если не будет

принадлежать к какому-либо классу и соответственно не будет транслировать образцы и нормы его поведения. Следовательно, перед ним встает проблема перевода интеллигенции в рамки бессловной и бесклассовой группы. Этот вопрос он решает достаточно оригинальным способом. Проследим логику рассуждений Воронцова.

Интеллигенция Европы на протяжении истории принадлежала к господствующим группировкам, таким как церковь, феодалы, буржуазия. Эти господствующие классы постепенно сменяли друг друга, но каждый новый привилегированный класс был силен и «самодостаточен». Из этих классов западная интеллигенция черпала свои социальные идеалы (т.е. фактически из самой себя), не обращая своего взора к народу. Облекая эти идеи в формы общечеловеческой справедливости, на деле она реализовывала свои узконаправленные цели и интересы. Вот схема, которая демонстрирует, как происходит подмена общих ценностей классовыми (сословными) в силу таковой «природы» интеллигенции.

Между тем российская интеллигенция, по мнению Воронцова, не имела в прошлом самостоятельного экономического или политического влияния, т.е. она не входила в господствующие классы. Она существовала лишь как слуга государства, слуга власти (вместе с тем мы должны понимать, что даже если фактически она и не имела особых прав, тем не менее «официально» была именно привилегированным сословием). Будучи в подчиненном положении, интеллигенция не нуждалась и в самостоятельной идее и соответственно заимствовала, черпала эти идеи из других групп, а именно из народа. Здесь следует пояснить еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное для понимания в целом логики и квинтэссенции социоло-

гии Воронцова. Прежде всего, Воронцов — народник и народническая идея пронизывает все его труды. Говоря об общечеловеческой идее, общечеловеческой правде, о прогрессе во благо всех, Воронцов имеет в виду благо народа, правду и справедливость, защищающую народ. Под народом же понимается крестьянство, мелкие ремесленники и т.д. Но даже если учесть, что «низшие» классы составляли большинство населения (из 100% населения на рубеже веков 80% было крестьянство), то естественно, что маленькую толику будут составлять классы господствующие. Поэтому даже в случае принятия за основу (как более справедливые) идеи, которые защищают простой народ, мы не можем говорить, что они являются общечеловеческими, ибо при реализации интересов народа возможно будут ущемлены интересы помещиков, буржуазии и т.д.

Итак, Воронцов отмечает в характеристике русской интеллигенции ее внимание к народной жизни, к русскому крестьянству, он указывает на стремление интеллигенции искать источник развития в народной среде. Воронцову и самому весьма близко это стремление и, отличая по этому критерию нашу интеллигенцию от западноевропейской, он целиком и полностью находится на стороне первой.

Размышляя над причинами такого положения (тяги интеллигенции к простому народу), Воронцов выдвигает две объяснительные гипотезы. Согласно первой русская интеллигенция сформировалась в то время, «когда абстрактные положения общечеловеческой правды и справедливости могли быть поняты достаточно ясно и не смешиваемы с формулами, в отвлеченном выражении имеющими общий характер, а фактически представляющими интересы привилегированного класса» [1. С. 154]. Что имеет в виду под этим Воронцов? Скорее всего,

он пытается сказать, что к тому времени, когда интеллигенция образовывалась, классы еще не оформились как таковые, соответственно ценности могли иметь некий общий характер, но с момента формирования классового общества ценности стали дифференцироваться в зависимости от представляющего их класса (т.е. интеллигенция не сразу осознала свои классовые интересы). Таким образом, продолжает мысль Воронцов, наблюдая за общественной жизнью и видя трудности крестьянского быта и недостатки крепостного права, интеллигенция на основе общих идеалов справедливости начинает выступать с просветительскими идеями за интересы народа. То есть фактически выходит за рамки своей классово-сословной сущности: осуществляет то, что было не под силу сделать Томасу Морю.

Суть второй гипотезы мы уже назвали ранее, она состоит в несостоятельности российских привилегированных классов как культурных агентов, «их бессилии в качестве руководителя общественного развития» [Там же. С. 155], что вынудило интеллигенцию обратить свой взор на народ как на более здоровую и живую основу.

Развитие русской и западноевропейской мысли и ее влияние на характер и взгляды русской интеллигенции

В «Наших направлениях» Воронцов пытается обобщить историю развития западной и русской мысли и связать ее с характером русской и западноевропейской интеллигенции. Ссылаясь на труды историков, он пишет, что на первоначальном этапе развития человечества господствовали принципы экономической свободы и равенства и что «средний индивид тогда нравственно был чище, нежели в настоящее время» (эти взгляды близки французским просветителям, в частности Ж.Ж. Руссо) [1. С.

152]. Постепенно общество разделилось на два класса. Первый, небольшой по численности слой, можно его назвать господствующим классом, взял на себя роль главного агента исторического процесса. Второй слой, более многочисленный и более бесправный, т.е. народ (синонимом народа было крестьянство), выступил в качестве инструмента господствующего класса. Первоначально «вся прогрессивная энергия» накапливалась в среде меньшинства и «тратилась на борьбу и выработку форм жизни и мирозерцания, соответствующих новому общественному укладу», затем на «развитие науки, промышленности и торговли» (но также в рамках господствующего класса) [Там же. С. 163]. Такое положение дел Воронцов объясняет сильной дифференциацией общества и его низкой степенью интеллектуального развития. Следствием неразвитости этико-социальных знаний стала, по мнению Воронцова, невозможность выработки интеллигенцией объективных социально-этических систем, признающих равенство прав всех людей. Западно-европейская интеллигенция «замыкалась» в своих построениях субъективными настроениями и узкоклассовыми интересами. Между тем постепенно шло развитие промышленной техники, что влияло на высвобождение свободного времени у народа, последнее способствовало более сильному развитию науки и оттачиванию человеческой мысли, ее способности критически мыслить. Критическое мышление приводило к выработке более широких общечеловеческих идей, наполненных не только сословным содержанием, но и универсальными ценностями. Изменение общественной мысли шло параллельно (эти процессы неразрывны друг от друга) с изменением состава привилегированного меньшинства. Теперь этот слой начинает пополняться за счет так называемого

третьего сословия (в русском варианте это были бы разночинцы), «выделившегося из низшего класса, стремившегося вверх, но не допускавшего занять это место и принужденного бороться за него не только оружием, но и логикой, что вело к необходимости защищать свои претензии ссылкой на общие начала правды и справедливости» [Там же. С. 165]. Вслед за третьим сословием в Западной Европе возникло четвертое (скорее всего, Воронцов имеет в виду пролетариат), которое уже принадлежало к большинству населения и, следовательно, имело возможность выступать в качестве силы, стремившейся уничтожить дифференциацию, лежащую в основе общества. В данном случае Воронцов говорит о социалистических настроениях, господствующих во Франции (и не только во Франции) того времени.

Между тем историческое развитие России складывалось иным путем. Борьба с Азией затянула процессы эволюции общественных отношений, поэтому, когда у нас появилось время обратиться к Европе, мы с удивлением обнаружили небывалый для нас расцвет научных знаний и богатейшую культуру. Для российского общества самой насущной проблемой стало сокращение имеющегося культурного и технического разрыва с Европой. Чтобы хоть как-то сократить этот разрыв, нам приходилось много копировать, перенимать, заимствовать у европейцев. Российское правительство с целью преодоления отсталости страны было вынуждено силой насаживать науку на русской почве, заимствуя западные идеи и технические новинки. Безусловно, говоря об этом, Воронцов имеет в виду реформы Петра I.

Наука, перенятая на Западе, приживалась на русской почве, начинала давать конкретные результаты и вместе с тем развивать в российской интеллигенции способность критически

мыслить. Каким образом Воронцов объясняет подобное развитие критической мысли? Он считает, что вместе с наукой мы получили и западноевропейские прогрессивные идеи, критикующие общественные формы, которые у нас до сих пор были сохранены. Речь идет об институте крепостного права. Именно крепостное право выглядело, с точки зрения нашей интеллигенции, отжившим анахронизмом, позорящим нашу страну и тянущим ее в средневековье. И именно на фоне идеи борьбы с крепостным правом объединится российская интеллигенция позднее.

Между тем западноевропейские идеи общественного развития, согласно логике Воронцова, нам не подходили. Они не могли быть перенесены на русскую почву именно вследствие того, что главным агентом истории на Западе выступали отдельные классы. Примечательно, по мнению Воронцова, что большая экономическая и культурная отсталость российского государства сыграла даже некоторую положительную роль, т.к. повлияла на широту воззрений российской интеллигенции. Воронцов объясняет это так: если бы в России не было института крепостного права, мы бы обратились к идеям о построении капитализма по западному образцу и, следовательно, перешли бы от одного рабства, народного, к другому, буржуазно-капиталистическому. К счастью, как считает Воронцов, сохранившееся в России крепостное право уберегало интеллигенцию от увлечения идеями построения буржуазного общества. Смотри на Россию и видя рабство миллионов, интеллигенция не могла позволить себе никаких идей, кроме общегуманных и идей чистой свободы.

Интеллигенция, вышедшая из привилегированного класса (дворянства), которая была осуждена историей (за крепостное право) и ко-

торая не могла перейти в другой класс, например в класс буржуазии, т.к. у нас этот класс еще не сложился, искала ту группу, которую бы можно было взять за основу для выработки «светлого социального будущего». И единственный слой, который она видела перед собой, был народ, и интеллигенция отдала приоритет интересам народной массы. В истинности этого приоритета Воронцов ничуть не сомневается; кроме того, ставя интересы народа выше интересов меньшинства, интеллигенция тем самым реализует идею истинности и справедливости в построении общественных форм (это тот случай, когда Правда-Справедливость и Правда-Истина приходят в равновесие). Здесь можно бы процитировать П.Л. Лаврова: «...Лишь тогда прогресс возможен, когда в убеждение развитого меньшинства вошло сознание, что интересы его тождественны с интересами большинства во имя прочности общественного строя..., когда личность может вносить в нее более ясное сознание общности связующих ее интересов и в этом самом процессе перерабатывает их в нравственное убеждение» [5. С. 339]. Под большинством Лавров, как и Воронцов, подразумевал народную массу; он (Лавров) был первым социологом, объявившим об ответственности интеллигенции перед народом за то, что первая пользовалась всеми благами цивилизации, достигнутыми огромными усилиями и страданием простого народа.

Итак, русская интеллигенция сплотилась вокруг общенародной идеи, единственно верной, и до 1861 г. она направляла все свои усилия на борьбу с крепостным правом. Как пишет Воронцов: «В конце 50-х годов мы видим редкий случай единения всех прогрессивных сил, как между собой, так и с властью, результатом чего явилась великая реформа 19 февраля и последующие преобразования в судебной облас-

ти, сфере самоуправления и т.д.» [1. С. 171-172]. Но результат отмены крепостного права стал и причиной нарушения единения интеллигенции, так как с исчезновением этого института в России появилась почва для создания капитализма и, следовательно, возможность присоединения к буржуазным идеям. Следствием изменившихся условий стал раскол в среде интеллигенции. Интеллигенция разбилась на два лагеря. Первый стоял, как и прежде, за народ, а следовательно, за истину + справедливость, второй же стал проповедовать идеи развития капитализма в России. Чем же на практике был страшен капитализм? По мнению Воронцова, капитализм приводит к разрушению мелкого самостоятельного производства и замене его единоличными предприятиями, акционерными, широко использующими машины и механизмы, в общественной жизни – это угроза нового подчинения народа. Капитализм, по Воронцову, это новое рабство. Нельзя не отметить, что в этом он близок марксистам, хотя философские основания их концепций почти противоположны.

В то время как для одной части интеллигенции было характерно «полурабское преклошение перед западной культурой и барское высокомерие перед русским мужиком», другая ее часть «оказалась последовательной и сохранила верность традиции и основным положениям общечеловеческой правды... Указанная часть интеллигенции и после реформ 60-х гг. продолжала преследовать ту же цель гуманных принципов, что требовало выработки конкретного мирозерцания, соответствующего как этим принципам, так и новым условиям и благу народа» [Там же. С. 173-174]. Вторая часть интеллигенции — это народники, представителем которых был сам Воронцов. Вообще, если вернуться к вопросу о классовости и сословности

интеллигенции, можно заметить, что Воронцов двояко, можно сказать, предвзято относится к разрешению данной дилеммы. По Воронцову, получается, что классовая природа интеллигенции не дает последней реализовать истинные идеалы справедливости. Именно на это и обречена западноевропейская интеллигенция. Российская же интеллигенция по природе тоже должна бы относиться к привилегированному слою (дворянству), но в силу определенных причин (уже названных) она как бы преодолевает свою классовую сущность и на практике становится бесклассовой. При этом остается непонятным вопрос, будет ли интеллигенция, защищающая народ, бессословной (т.е. претендующей на истину и справедливость), а защищающая капитализм — сословной, классовой? И еще. Не лишится ли интеллигенция как некая единая социальная группа ее единства, ее статуса некой общности, если подобным неоднозначным образом будет трактоваться один из ее идентифицирующих критериев, одна из ее характерных черт?

Вопрос, которого также следует коснуться, это вопрос о взаимодействии интеллигенции с народом и необходимости возникновения новой народной интеллигенции.

В результате отмены крепостного права народу были предоставлены личные права, у него появилась возможность участия в общественной жизни страны. Народ стал привлекаться к заведованию уездным и губернским хозяйством, ему стали доверять выполнение обязанностей присяжных заседателей. Стало увеличиваться количество лиц податных сословий в средних и высших учебных заведениях. Как выразился в 1874 г. Михайловский: «...разночинец пришел» [8]. Явление разночинцев, по мнению Воронцова, явилось свидетельством появления новой силы.

За привлечение к общественной деятельности простого народа выступала, по утверждению Воронцова, только вторая часть интеллигенции. И здесь Воронцов озвучивает идею о необходимости образования новой группы, группы так называемой народной интеллигенции (эта идея, к сожалению, не находит продолжения в его дальнейших работах), которая должна стать звеном между народом и интеллигенцией. Возможно, Воронцов имеет в виду каких-то отдельных образованных выходцев из народа, которые смогли бы выполнять роли некоего культурного агента.

Интеллигенция как совокупность лиц свободных профессий. Капитализм и интеллигенция

Прежде мы уже высказали мысль о том, что в трудах Воронцова можно встретить узкую и широкую трактовку интеллигенции. Более узкий подход к понятию интеллигенции как представителям науки мы уже обсудили ранее. Обратимся ко второй трактовке. Итак, как нами уже было отмечено, согласно более широкому подходу Воронцов под интеллигенцией рассматривает группу лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, осуществляющих врачебную, адвокатскую, преподавательскую и иные виды деятельности. Каким целям может служить второй подход? Он позволяет рассмотреть, каким образом широкая социальная группа, состоящая из лиц, выполняющих жизненно важные общественные функции, вписывается в существующую социальную реальность. Комфортно ли ей в существующем общественном строе? И в каких отношениях находятся существующий капиталистический строй и работники интеллигентного труда? Эти вопросы ставит перед собой Воронцов и эти вопросы он разрешает на страницах своих статей.

Воронцов предоставляет достаточно угнетающую статистику о невостребованности лиц свободных профессий в России. Он цитирует множество газетных сообщений, подтверждающих данный факт. К примеру, «из 27 человек, окончивших курс в историко-филологическом факультете, лишь 17 назначены на места, для остальных же десяти нет свободных вакансий»; «несмотря на существующие повсеместно в России скотские падежи, ветеринарные врачи не находят себе занятия, а земства категорически отказываются принимать их к себе на службу»; «на одну вакансию земского врача в Княгининском уезде было подано 76, а на другую, в Кашинском уезде, 92 прошения» [2. С. 313-321]. Рассматривая подобные факты, Воронцов ставит вопрос: может быть, предложение интеллигентского труда превышает существующий в обществе спрос? Быть может, для равновесия нужно сократить количество учащихся в вузах? Оказывается, дело не в этом. Спрос на лиц интеллигентского труда в обществе высок. Более того, врачей, юристов, учителей, техников, ведущих агрономов даже не хватает. Для доказательства из «Врачебных ведомостей» Воронцов приводит статистику о соотношении числа врачей в России и других государствах. Так, «в Соединенных Американских Штатах на 10000 человек имеется 16,24 врача, в Швейцарии — 7 врачей, в Италии — 6,1, в Англии — 3,41, в Германии — 3,21, во Франции — 2,91, в России — 1,6» [Там же. С. 325]. Получается, мы сталкиваемся с неким противоречием: недостаток в образованных людях наряду с их же переизбытком. «Там, — крестьянин умирает без медицинской помощи, не имеет вовсе дохода от истощенной земли...; здесь — врач, агроном, технолог бродят без дела и если не умирают с голоду, то только потому, что готовы братья за первое

подвернувшееся задание, дающее кусок хлеба» [Там же. С. 327]. Итак, мнение о том, что в обществе существует переизбыток интеллигенции, всего лишь миф. В общественной жизни наблюдается нехватка высшего труда. Предложение интеллигентской силы превышает лишь рыночный спрос, т.е. тот, который оплачивается деньгами. Воронцов объясняет, что финансовыми ресурсами обладает лишь привилегированный слой (меньшинство), и объективно он не нуждается в большом числе лиц интеллигентных профессий. Народная же масса (большинство), хотя и испытывает острую нехватку в медицинской и юридической помощи, не может себе этого позволить, у нее нет средств для «содержания» интеллигенции. Но такое положение дел есть результат капиталистического устройства общества. По мнению Воронцова, «капиталистическая организация как крупная ведет к экономии разного рода затрат, в том числе и затрат высшего труда, т.е. при прочих разных условиях, капиталистическое течение жизни относительно сокращает спрос на интеллигентный труд» [3. С. 434]. Ко всему прочему капитализм негативно действует на мелкое производство, «разрушая мелкий промысел и не давая занятия освобождаемого таким образом труду, он имеет необходимым следствием застой, если не упадок, благосостояния массы населения, благодаря этому последнее теряет возможность оплатить столь нужный ему интеллигентный труд и вынуждено оставаться при архаических средствах удовлетворения своих разнообразных потребностей» [Там же. С. 435]. Подобным образом Воронцов подводит нас к мысли о том, что капиталистический строй вовсе не выгоден интеллигенции, что даже материальный интерес должен привести ее к народнической идее. Работая и развивая народную самостоятельность, интеллигенция будет

работать по сути сама на себя, на свое собственное благополучие. В итоге Воронцов приходит к совершенно поразительному выводу, что, защищая массу простого народа, интеллигенция «в сущности, борется за свой классовый интерес, который к тому же совпадает с интересом общегосударственным» [Там же. С. 438]. Эта фраза по сути придает признаку уже якобы принятой номинальной бесклассовости «народнической» интеллигенции классовый характер. Только теперь непонятно, что это за класс? Стала ли интеллигенция неким новым образованием или осталась прежней? Может показаться, что Воронцов достаточно вольно обращается с терминами: то забирая, то вновь отдавая признак «классовости» интеллигенции. Полагаем, что это объясняется тем, что первоначально интеллигенция состояла только из представителей дворянского сословия и принадлежала, безусловно, к классу привилегированному. Позднее в ее ряды вливается интеллигенция разночинная, которая вынуждена зарабатывать себе на хлеб исключительно собственным интеллектуальным трудом. С одной стороны, она уже не относится к привилегированному классу, с другой — образует некую особенную социальную общность, которую можно назвать по отношению к первой бесклассовой, но, в условном смысле, имеющей объединительную цель.

Итак, подводя итог, можно резюмировать: несмотря на то что концепция интеллигенции Воронцова в каких-то моментах продолжала идею Лаврова о критически мыслящих личностях, в целом она представляет собой самостоятельную целостную концепцию и не может быть вписана в рамки этико-социологической, представителями которой являлись Лавров, Михайловский и Иванов-Разумник [подробнее о концепции интеллигенции представителей

субъективного направления см. 9. С. 118 — 121]. Один из главных вопросов — о принадлежности интеллигенции к классу (сословию) — решался представителями субъективного направления по-разному. В отличие от их трактовок концепция интеллигенции Воронцова носит более приближенный к реальной жизни характер, что позволяет исследовать ее на основе выделенных образовательных и профессиональных критериев. По сути, концепция Воронцова очень близка современной трактовке интеллигенции. Между тем ввиду идеологической «привязки» интеллигенция делится им на две группы, критерием разграничения является поддержка общечеловеческих идеалов и народничества. Получается, что представители интеллигенции, поддерживающие народническую идеологию, стоят на позициях добра и справедливости, радуют за весь народ. Представители же марксизма (социалисты), либералы, консерваторы, признающие капитализм, защищающие пролетариат и т.д., априори не могут претендовать на всеобщность выдвигаемых ими идеалов, а следовательно, и на истину в науке и истории.

Список литературы

1. *Воронцов В.П.* Наши направления // Интеллигенция и культура. М.: Астрель, 2008.
2. *Воронцов В.П.* Капитализм и русская интеллигенция // Интеллигенция и культура. М.: Астрель, 2008.
3. *Воронцов В.П.* Производительные классы и интеллигенция // Интеллигенция и культура. М.: Астрель, 2008.
4. *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли: в 3 т. М.: Республика; ТЕРРА, 1997. Т. 1.
5. *Лавров П.Л.* Исторические письма. СПб.: Русское богатство, 1906.
6. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.
7. *Михайловский Н.К.* Записки профана // Южаков С. Н. Социологические этюды. М.: Астрель,

- 2008.
8. Михайловский Н.К. Из литературных и журнальных заметок 1874 года // Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995.
URL:
http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0250.shtml
1 (дата обращения: 5.10.2009)
9. Понимание интеллигенции у представителей субъективной школы (П.Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Иванов-Разумник) // Актуальные проблемы философии, социологии и политологии, экономики и психологии. Пермь, 2008. Вып.10.
10. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издание, 2005.
-

INTELLIGENTSIA CONCEPTION BY V.P. VORONTSOV
A.G. Istomina

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

Conception of intelligentsia by V.P. Voronsov are discussed in the article. Wide and narrow approaches to definition of the concept intelligentsia are revealed. Differences between the Vorontsov's conception and various conceptions of intelligentsia by sociologists of a subjective school including V.P. Lavrov, N.K. Michailovskiy, Ivanov-Razumnik are considered.

Keywords: intelligentsia; society; people; class.